

Цель подобной тактики обычно прагматична: вызвать ощущение кризиса у широких масс людей. Виноваты в кризисе, естественно, враги, а справиться с ними поможет не продавшееся врагам или неэффективное текущее правительство, а популисты. Это тоже метод объединения и консолидации, но одновременно он является базисом будущих конфликтов, в том числе приводящим к насилию и войнам.

Резюмируя наш доклад, мы бы хотели отметить, что нет восприятия без интерпретации. Нет события, которое бы не было сконструировано. Помнить – значит связывать прошлое и настоящее. Медиумы памяти не второстепенны, они определяют сообщение. Нарративы важны, потому что именно они определяют, какие идеи в культуре принимаются настолько, что становятся здравым смыслом. Осмысление этих постулатов может помочь нам лучше понять нашу реальность и нашу историю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Schwartz B. Memory as a Cultural System: Abraham Lincoln in World War II // American Sociological Review. 1996. Vol. 61, № 5. P. 908–927.
2. Хьюбнер К. Истина мифа. М. ^ Республика, 1996.
3. Кича М. Афганистан: подлинная история страны-легенды. М.: Эксмо, 2021.
4. Оруэлл, Д. 1984. М.: АСТ, 2015.
5. Олик Д. Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–67.
6. Hedges C. War is a force that gives us meaning. Cambridge: Polity Press, 2012.
7. Мухаматуллин Т. Реконкиста – ключевое событие испанской истории. Исламский мир в историографической концепции К. Санчеса-Альборноса. Кишинев Lambert Academic Publishing, 2011.
8. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна : сб. переводов и рефератов. Минск: ООО «Красико-принт», 1996. С. 74–97.

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПОЭЗИИ АЛЛЕНА ГИНЗБЕРГА

BIBLICAL ALLUSIONS IN ALLEN GINSBERG'S POETRY

Л.В. Шимонович

L.V. Shimonovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: liana.shimonovich@gmail.com

В статье через призму библейской архетекстuality рассматривается поэзия Аллена Гинзберга. В своей поэзии Гинзбергу удалось выразить растерянность, в которой оказался американо-европейский мир после трагических событий XX века, обличить пороки современной цивилизации и предложить пути спасения. Все это поэту удастся осуществить

посредством обращения к Библии и литературным предшественникам, также испытавшим сильное влияние Библии в своем творчестве.

In this paper, the poetry of Allen Ginsberg through the prism of biblical archetextuality is examined. In his poetry, Ginsberg managed to express the confusion in which the American-European world found itself after the tragic events of the XX century, to expose the vices of modern civilization and offer ways of salvation. The poet manages to accomplish all this by referring to the Bible and literary predecessors, who also experienced a strong influence of the Bible in their work.

Ключевые слова: А. Гинзберг; американская поэзия; битники; «Вопль»; архетекстуальность, «осевой» архетекст; Библия.

Keywords: A. Ginsberg; American poetry; beat generation; “Howl”; archetextuality; “axial” archetext; The Bible.

Одним из важнейших смыслополагающих и текстопорождающих текстов европейской культуры является Библия. Согласно определению белорусской исследовательницы Г. В. Синило, Библия является «осевым» архетекстом европейской культуры и литературы (см. подробнее: [1]). Архетекстуальная функция Библии проявляется и в современной литературе, подтверждением чему является творчество американского поэта-битника Аллена Гинзберга.

Казалось бы, Библия и такое литературно явление, как «разбитое поколение», или битники, – противоположны друг другу. Это те культурные феномены, которые должны находиться на двух разных берегах культурного процесса и никогда, ни при каких обстоятельствах не пересекаться. На одном берегу находится нравственность, определенная строгость и умеренность, а на другом – часто приписываемая битникам аморальность, избыточность и «ненормальность». Но не стоит забывать, что фундаментом американской культуры является именно Библия, которая неизбежно влияла и на творчество более традиционных и конформистских авторов, и на творчество авторов контркультурных течений, как бы удивительно и неожиданно это ни было с первого взгляда.

Имя Аллена Гинзберга – одно из первых, которое всплывает в памяти при упоминании битников. И хотя Гинзберг не был объявлен Королем Битников (*King of the Beats*), как Джек Керуак, он сыграл огромную роль в том, чтобы битники состоялись как художественное течение и культурное явление в послевоенной Америке.

В раннем творчестве Гинзберга видны «почерки» двух главных вдохновителей поэта – Уолта Уитмена и Уильяма Карлоса Уильямса. На поэтику Уитмена огромное влияние оказала Библия. С ее помощью он хотел преобразить современную поэзию, в которой больше не были возможны привычные всем форма, размер, ритм. В свою очередь, Гинзберг заимствует у Уитмена длинную, «раскатистую» строку (которая

как раз идет от стилистики и синтаксиса английской Королевской Библии), речь от первого лица, сосредоточенность на личном опыте – и все это старается довести до предела. Уильям Карлос Уильямс продолжил уитменские тенденции в своем творчестве. Его, как основателя объективистской школы в американской поэзии, интересуют не абстрактные идеи, а конкретные и яркие образы. На первое место в своем творчестве Уильямс ставит живой разговорный язык, сленг и жаргон в противовес идеальному и «вылизанному» языку других модернистов. Эту идею перенимает и Аллен Гинзберг, стихи которого зачастую пестрят обценной лексикой и неожиданными подробностями.

В своем творчестве Аллен Гинзберг часто обращается к Библии, что в первую очередь обусловлено его еврейским происхождением и воспитанием. Но вместе с тем этого от него «требует» само время. Г.В. Синило пишет: «Библейская эстетика, покоящаяся в первую очередь на категории возвышенного и позволяющая максимально приблизиться к выражению невыразимого, создать ощущение присутствия трансцендентного, в наибольшей степени заявляет о себе в так называемые переходные, переломные, “проклятые” времена – времена шатаний и потрясений, ломки старого и рождения в муках нового, во времена обострения социальных противоречий и катастрофичности сознания, пытающегося пробиться к Первосущности через хаос и суету» [2, с. 22].

«Вопль» (“Howl”) – самая знаменитая и самая значительная поэма Аллена Гинзберга, художественный манифест «разбитого поколения», который демонстрирует своего героя и заявляет о нем всему миру. Как отмечает А. Малиновская, «в ней [поэме] наиболее ярко проявились основные особенности поэтики А. Гинзберга: своеобразная грубая искренность и экспрессия, авторский синтаксис, отказ от жанрового единообразия, музыкальность, “молитвенность” текста» [3, с. 197]. В поэме нас особенно интересует вторая часть, в которой Аллен Гинзберг использует образ языческого божества Молоха, который упоминается в 3-й Книге Царств: «И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской <...> Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской» (3 Цар 11:5, 11:7). Этот же образ используется в Книге Пророка Иеремии: «Устроили капища Ваалу в долине сыновей Енномовых, чтобы проводить через огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху, чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делали эту мерзость, вводя в грех Иуду» (Иер 32:35).

За образом жестокого языческого божества, которому приносили в жертву детей, скрывается вполне красноречивый и понятный многим

образ бездуховной западной цивилизации с ее экспансией, милитаризмом, прогрессом, индустриализацией, технократией, коммерцией и Разумом с большой буквы, который насаждает нормы, ограничивает и репрессирует человеческую душу (в этом Аллен Гинзберг и битники вообще оказались очень созвучны идеям Франкфуртской школы):

«What sphinx of cement and aluminum bashed open their skulls and ate up their brains and imagination? / Moloch! Solitude! Filth! Ugliness! Ash cans and unobtainable dollars! Children screaming under the stairways! Boys sobbing in armies! Old men weeping in the parks! / Moloch! Moloch! Nightmare of Moloch! Moloch the loveless! Mental Moloch! Moloch the heavy judger of men! / Moloch the incomprehensible prison! Moloch the crossbone soulless jailhouse and Congress of sorrows! Moloch whose buildings are judgment! Moloch the vast stone of war! / <...> Moloch whose name is the Mind!» [4].

«Что за сфинкс из бетона и стали раскроил черепа им и сожрал их мозги и воображение? / Молох! Одиночество! Грязь! Уродство! Мусорные баки и доллар недоступный! Дети оружие под лестницей! Армии хнычущих мальчишек! Старики плачущие в парках! / Молох! Молох! Кошмар Молоха! Молох безлюбый! Молох безумный! Молох грозный судия человекоев! / Молох тюрьма непостижная! Молох череп и кости темница бездушная и пир скорбей! Молох чьи здания суть приговор! Молох гигантский болид войны! / <...> Молох чье имя Разум!» [5, с. 53-54] (*перевод Д. Манина*).

Под внешней успешной оболочкой страдает душа Америки, но ее отчаянный голос никто не слышит. Новые американские герои уподобляются ангелам, возвещающим о начале апокалипсиса, из саксофонных труб которых джазовой мелодией раздается вопль мучающейся Америки:

«...and rose reincarnate in the ghostly clothes of jazz in the goldhorn shadow of the band and blew the suffering of America's naked mind for love into an eli eli lamma lamma sabacthani saxophone cry that shivered the cities down to the last radio» [4].

«...и явившемся нам во плоти в призрачном одеянии джаза в тени золотых труб оркестра, выдувающим страдания обнаженно души Америки в вопле саксофона *элой элой ламма ламма савахфани* сотрясем все города вплоть до последнего радио» [6, с. 24] (*перевод Г. Андреевой*).

Выделенная курсивом фраза очень знаменита и взята из Евангелия от Марка: «Элой! Элой! ламма́ савахфани? – что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (*Марк 15:34*). Это предсмертные слова Иисуса, которые он произносит на кресте.

И хоть образы юных героев Америки не такие грозные и устрашающие, как в Откровении Иоанна Богослова, эти герои настроены так же решительно, ведь противостоять этому безжалостному диктатору и преобразить мир может только Неразумие, буйство юности и те самые дети, которые отправляются ему на съедение. Поэма «Вопль» одновре-

менно является и криком отчаяния целого поколения, и боевым кличем, призывом к революции, бунту и восстанию.

В «Вопле» Аллен Гинзберг искусно переплетает между собой ветхозаветные и новозаветные образы. Сам же поэт предстает в качестве настоящего ветхозаветного пророка, который обрушивает свой гнев на людей и одновременно с этим вселяет в них надежду на спасение и предлагает альтернативы той катастрофе, которую он наблюдает. Убедительности Гинзбергу придает и стилистика поэмы: на всем ее протяжении поэт использует анафору, многочисленные повторы, которые придают определенную монотонность и молитвенность звучанию, что делает поэму еще более похожей на библейский текст.

В Париже Аллен Гинзберг пишет вторую свою значимую поэму – «Кадиш» (“Kaddish”). Это еврейская поминальная молитва, которая не была прочитана на похоронах матери поэта – Наоми Гинзберг. Данная поэма – попытка создать поэтично-религиозный аналог той непрочитанной молитвы. Это концентрат памяти, собирающийся вокруг сложного и противоречивого образа матери, который Гинзберг держал в сердце. Поэма предельно личная, она отсылает ко множеству персоналий, мест и событий из жизни семьи Гинзбергов, поэтому читать ее лучше параллельно с биографией поэта (хотя сам Гинзберг всегда настаивал на том, что все его образы универсальны и не требуют специфических знаний о жизни автора).

По сравнению с «Воплем» это уже не такой свободный и бунтарский текст. «Кадиш» более строг и делает акцент на ритуально-религиозной неторопливости плача. Это подчеркивается добавлением в авторский текст фрагмента настоящего кадиша. Личная трагедия матери Аллена Гинзберга является символом более масштабной трагедии, которая постигла многих иммигрантов, попавших в Америку и столкнувшихся с обратной стороной американской мечты. Но эта трагедия простирается куда дальше – на весь западный мир и его жертв:

«Is it only the sun that shines once for the mind, only the flash of existence, than none ever was? / Nothing beyond what we have – what you had – that so pitiful – yet Triumph, to have been here, and changed, like a tree, broken, or flower – fed to the ground – but mad, with its petals, colored, thinking Great Universe, shaken, cut in the head, leaf stript, hid in an egg crate hospital, cloth wrapped, sore – freaked in the moon brain, Naughtless. / No flower like that flower, which knew itself in the garden, and fought the knife – lost» [7].

«Неужели лишь раз вспыхнет солнце душе, только миг бытия, и уж как ничего не бывало? / Ничего сверх того, что имеем – что имела бы – жалкое – но и Триумф, побывать здесь, меняться, как дерево, сломленное, иль цветок – землей пожран – но безумный, цветной, в лепестках, мыслящий о Вселенной, потрясен, сорван, гол стебель, сунут в больницу, как в ящик яичный, рана в тряпице – ум

луной изуродован, Обезничижен. / Всем цветкам цветок, что познал себя в саду и боролся с ножом садовника – побежден» [5, с. 88–89] (перевод Д. Манина).

Наоми Гинзберг была убита не своими болезнями, а Молохом – жестокой западной цивилизацией. Она – олицетворение всех тех юных и невинных юношей и девушек, души которых не очерствели, не были способны принять кровожадность цивилизации, но оказались поверженными.

Неудивительно, что в желании обновить мир и общество Аллен Гинзберг обращается к поэтике ветхозаветных пророков и тематике Апокалипсиса. Это связано с особым критическим взглядом Гинзберга на американское общество и яростным желанием его обновления. Характерной чертой его творчества является переплетение возвышенного, сакрального с низменным и пошлым, что делается намеренно для ниспровержения существующей иерархии и установлению новой модели мира. Само же обращение к библейской архитектекстуальности уже навсегда сделало поэзию Аллена Гинзберга «классической», универсальной и актуальной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Синило Г.В. Библия как «осевой» архитектекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2017. № 3. С. 19–29.
2. Синило Г.В. Библейские парадигмы как основа становления американской культуры и литературы // Актуальные проблемы современной американистики (культурологический аспект): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 27–28 февр. 2007 г. / редкол.: Г. В. Синило (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд-во БГУ, 2011. С. 5–19.
3. Малиновская Е.А. «Интернационал» как молитва: идея духовной революции в поэме А. Гинзберга «Вопль» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. №1. С. 197–200.
4. Ginsberg A. Howl [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/49303/howl> (дата обращения: 05.05.2022).
5. Гинзберг А. Вопль. Кадиш: Стихотворения 1952–1960 / пер. Д. Манина. СПб.: Подписные издания, 2021.
6. Антология поэзии битников / сост. Г. Андреева. М. Ультра. Культура, 2004.
7. Ginsberg A. Kaddish [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/49313/kaddish> (дата обращения: 05.05.2022).